

**С.Н. Булгаков**

# **Очерки по истории экономических учений**

**Выпуск 1**

**Москва  
«Книга по Требованию»**

УДК 330  
ББК 65  
С11

С11 **С.Н. Булгаков**  
Очерки по истории экономических учений: Выпуск 1 / С.Н. Булгаков – М.: Книга по Требованию, 2013. – 236 с.

**ISBN 978-5-458-54985-1**

**ISBN 978-5-458-54985-1**

© Издание на русском языке, оформление  
«YOYO Media», 2013  
© Издание на русском языке, оцифровка,  
«Книга по Требованию», 2013

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первозданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.



какова техника этого знания, но и каковъ его общій смыслъ, высшая цѣнность, идеальная его задача. Поэтому рядомъ съ техническими дисциплинами, содѣйствующими приобрѣтенію техническихъ знаній, высшая школа должна давать и общія, общечеловѣческія или, что тоже, общефилософскія дисциплины, которыя раскрывали бы смыслъ и значеніе техническихъ проблемъ при свѣтѣ общихъ идеаловъ жизни.

Что касается *хозяйства*, хозяйственной жизни вообще и науки о хозяйствѣ, то какъ бы мы не опредѣляли науку политической экономіи (объ этомъ вы будете слушать на протяженіи ряда экономическихъ курсовъ),—несомнѣнно одно: хозяйственная необходимость, нужда есть нѣчто, настолько близкое каждому изъ людей, настолько знакомое, что было бы смѣшно и нелѣпо, если бы я съ каѳедры сталъ выяснять, что каждому нужно ѣсть, или неизбѣжно думать о квартирѣ, заработкѣ и т. д., ибо рѣшительно каждому приходится имѣть дѣло съ этими вопросами. Въ этомъ отношеніи хозяйство принадлежитъ къ числу настолько элементарныхъ сторонъ жизни, что необходимость его не нужно доказывать. Каждый причастенъ къ хозяйству, поскольку оно есть выраженіе борьбы человѣка за жизнь, за удовлетвореніе потребностей и специальныхъ нуждъ. Наука политической экономіи путемъ научнаго опыта и систематизированныхъ наблюденій разрѣшаетъ разныя практическія задачи, которая ставитъ хозяйственная жизнь, какъ въ примѣненіи ко всему обществу, такъ и въ примѣненіи къ отдѣльной личности. Слѣдовательно, конечная задача политической экономіи въ самыхъ общихъ чертахъ сводится къ тому, чтобы содѣйствовать хозяйственной жизни раскрытіемъ цѣлесообразныхъ методовъ и условій хозяйствованія, со стороны общественной его организаци. Но рядомъ съ вопросомъ цѣлесообразности методовъ хозяйства, встаетъ вопросъ о самомъ смыслѣ хозяйственной дѣятельности о ея цѣнности. Хотя человѣкъ борется за свое существованіе, но по свойству своему онъ борется не просто за существованіе, но за достойное существованіе, не за животное прозябаніе, а за человѣческую жизнь, и хотя онъ скованъ нуждой, но не отдается ей въ плѣнъ, не спрашивая и не разсуждая,—онъ дѣйствуетъ всегда какъ разумное

существо, способное къ разсужденію, оцѣнкѣ, къ построенію идеаловъ. Другими словами, человѣкъ всегда имѣетъ и извѣстную философію хозяйства, т.-е. извѣстную систему оцѣнки, нормъ и идеаловъ въ примѣненіи къ хозяйственной жизни. Правда, мы настолько срастаемся съ нормами и оцѣнками, господствующими въ нашей средѣ, что иногда перестаемъ выдѣлять ихъ въ сознаніи, такъ же какъ перѣдко не замѣчаемъ правовъ, обычаевъ, учреждений, которые становятся замѣтны для насъ, только когда мы переносимся въ другія страны или другія эпохи. Тогда мы видимъ, какъ то, что будто бы само собою разумѣется для насъ въ нашу эпоху, отнюдь не является столь же само собою разумѣющимся въ другихъ мѣстахъ и въ другія эпохи.

Буддѣйская  
философія  
хозяйства.

Чтобы иллюстрировать эту измѣнчивость, сопоставимъ два очень различныхъ между собою экономическихъ міровоззрѣнія, двѣ разныя системы оцѣнокъ экономической жизни, играющія и до сихъ поръ огромную роль. Одно есть современное распространенное въ Западной Европѣ міровоззрѣніе, болѣе или менѣе утвердившееся и въ политической экономіи, господствующая философія хозяйства нашихъ дней, а другое есть духовно чуждое европейцамъ міровоззрѣніе далекаго буддѣйскаго Востока. Сопоставимъ, какъ смотритъ на хозяйственную дѣятельность европейскій Западъ и буддѣйскій Востокъ. Есть ли у нихъ что-либо общее въ оцѣнкѣ богатства и бѣдности, труда и его производительности? Конечно, напередъ можно сказать, что воззрѣнія эти относятся между собою какъ черное и бѣлое, какъ да и нѣтъ, другими словами—они представляютъ собою непримиримую противоположность, и эта противоположность коренится въ самыхъ основахъ этихъ міровоззрѣній,—въ метафизикѣ, религіи, этикѣ. Буддизмъ <sup>1)</sup> есть, какъ извѣстно, система пессимизма; міръ и жизнь для этого ученія представляютъ собою не благо, не счастье и даже не путь къ будущему счастью, какъ для современнаго за-

---

<sup>1)</sup> Изъ литературы о буддизмѣ см *Oldenberg Buddha 4 Aufl* (есть въ старомъ русскомъ переводѣ). В *А Кожевніковъ*. Буддизмъ въ сравненіи съ христіанствомъ (готовится къ печати, съ подробной библіографіей на русскомъ и иностранныхъ языкахъ). *Иером. Гурій* Буддизмъ и христіанство въ ихъ ученіи о спасеніи. Казань 1906.

падноевропейскаго человѣчества, но страданіе, притомъ страданіе коренное и непоправимое.

„Такова, о монахи, читаемъ мы у Будды, святая истина о страданіи: рожденіе есть страданіе, старость есть страданіе, болѣзнь есть страданіе, смерть есть страданіе, быть соединеннымъ съ нелюбимымъ есть страданіе, разлученнымъ съ любимымъ—страданіе, не получитьжелаемаго—страданіе“,—словомъ пять объектовъ воспріятія суть страданіе.

„Такова, о монахи, святая истина о возникновеніи страданія: это жажда, которая ведетъ отъ возрожденія къ возрожденію, вмѣстѣ съ радостью и желаніемъ, находящимъ свое удовлетвореніе въ томъ или иномъ, жажда удовлетворенія, жажда бытія, жажда уничтоженія“.

„Такова, о монахи, святая истина объ уничтоженіи страданія: устраненіе этой жажды уничтоженіемъ вождѣленія,—оставить его, совлечь изъ самого себя, отрѣшиться отъ него, не давать ему мѣста“.

„Такова, о монахи, святая истина о пути уничтоженія страданія: это тотъ святой 8-мичастный путь, который зовется: правая вѣра, правое рѣшеніе, правое слово, правое дѣяніе, правая жизнь, правое стремленіе, правыя мысли, правое самопогруженіе“ <sup>1)</sup>.

---

<sup>1)</sup> Oldenberg, I с 239—40 Въ разныхъ памятникахъ буддискаго вѣроученія встрѣчаемъ мы выраженіе этого положенія—обремененности всего существующаго и о необходимости отвращаться отъ всякой земной привязанности. Такъ, въ *Суттѣ-Нипатѣ*, канонической книгѣ буддизма, мы читаемъ:

„Кто здѣсь ничего не беретъ себѣ, что бы ни было дано ему, будь то длинное или короткое, большое или малое, дурное или доброе, того назову я брахманомъ“

„Кого не влечетъ къ себѣ ни этотъ міръ, ни слѣдующій, кто не подвластенъ никакому желанію, того назову я брахманомъ“

„Кто забыть всѣ тѣлесныя наслажденія, кто разрушить въ себѣ самое сѣмя ихъ и грядетъ по свѣту, не имѣя здѣсь никакого пристанища, того назову я брахманомъ“.

„Если удастся достигъ тѣлесныхъ радостей тому, кто жаждетъ ихъ, онъ становится радостнымъ, нацѣя любезное смертнымъ, если же не удастся ему достигъ тѣхъ радостей, онъ мучится, какъ пронзенный стрѣлой. Кто избѣгаетъ тѣлесныхъ радостей, какъ на головку змѣи бояться наступить босой ступней, тотъ размышленіемъ всегда отгонитъ отъ себя эту жажду радостей. Кто жаждетъ тѣхъ радостей, жаждетъ полей и добра, коней и коровъ, слугъ, близкихъ и женъ, того побѣждаетъ грѣхъ, того сокрушаютъ не-

Мы слышимъ самого пророка буддизма, и высказываемая имъ оцѣнка жизни такова, что съ нею несовмѣстима никакая идеализация жизни, она не дастъ санкціи никакимъ стремленіямъ. Если жизнь есть вообще страданіе, то единственный выводъ отсюда — надо уничтожить жизнь, причемъ уничтоженіе ея путемъ самоубійства съ точки зрѣнія буддизма не допустимо, потому что не ведетъ къ цѣли. Хотя буддизмъ отрицаетъ личное безсмертіе души, но онъ утвер-

---

счастія и въ его сердце вольются страданія, какъ вода съвозъ щель въ челнокъ. Итакъ, размышленіемъ изгоняйте плотскія радости, освободившись отъ нихъ, легко переплыть это море, вычерпайте всю воду изъ ладьи своея,—легко и весело къ иному берегу она понесется.

„Человѣкъ, привязанный къ тѣлу, покрытый корою грѣха, обольщенный, не радуется въ уединеніи, не очищается отъ плотскихъ наслажденій. Кого водятъ здѣсь страсти и похоти, кого научаютъ желанія радостей, трудно освободиться тому, прилѣпленному къ бывшему и будущему, мечтающему о новыхъ радостяхъ, сладко воспоминающему прошедшія. Вижу я въ этомъ мѣрѣ боязливую породу, поработенную жаждой жизни,—это несчастные люди, тоскующіе въ пасти смерти, поглощенные потокомъ возрожденія. Взгляни на этихъ людей какъ рыбка трепещетъ въ изсохшемъ ручейкѣ, такъ и они дрожатъ въ постоянномъ безпокойствѣ и заботѣ о себѣ, ты же иди въ смиреніи, не питая въ себѣ страсти къ жизни“ (Цитиръ въ пер. Н. Герасимова).

Въ *Баггаватъ-Гитѣ* также читаемъ

55 Если человѣкъ оставилъ всѣ вождѣленія, проистекающія изъ его пожеланій, если онъ внутренно удовлетворенъ самъ собою, тогда говорятъ о немъ, что онъ твердо стоитъ въ мудрости.

56 Чей духъ не волнуется скорбью и чей духъ слишкомъ возвышенъ, чтобы радоваться на человѣческое владѣніе, кого оставила страсть, гнѣвъ или страхъ, тотъ называется *мужемъ*, святымъ, твердымъ въ самосознаніи.

57 Кто свободенъ отъ всѣхъ личныхъ склонностей, кто выше счастья въ радости или несчастья въ печали, тотъ имѣетъ истинное познаніе.

58 Кто подобенъ черепахѣ, когда она убираетъ свои члены, отвращаетъ свои мысли и чувства отъ внѣшнихъ вещей, того мудрость постоянна.

59 Чувственные вещи не имѣютъ болѣе привлекательности для того, кто не имѣетъ къ нимъ желанія. Даже чувство вкуса оставляетъ того, кто окончательно отказался отъ пробы вкуса.

62 Если кто думаетъ о чувственныхъ вещахъ, то его сердце привлекается ими, изъ этого привлеченія возникаетъ вождѣленіе, а изъ вождѣленія страсть.

64 Кто встрѣчаетъ, напротивъ, чувственные вещи съ чувствами, свободными отъ склонности или отвращенія, тотъ достигаетъ мира, ибо душа его полна мира“ (*Die Bhagavat Gita hrsg. von Fr. Hartmann. Berlin. 1903*).



ждаетъ способность человѣческой личности къ переживанію за предѣлами данной тѣлесной оболочки, какъ это явствуетъ изъ ученія о перевоплощеніи. Нужно не убить себя, учить буддизмъ, но умертвить жажду жизни; нужно убить самое стремленіе къ жизни, а этого можно достигнуть путемъ аскезы, борьбой съ собой, погашеніемъ своего внутренняго „я“. (Это то же самое, что совѣтовалъ въ серединѣ 19 вѣка франкфуртскій мудрецъ—Шопенгауеръ). Отсюда подавленіе жизни во всѣхъ ея естественныхъ потребностяхъ есть мораль буддизма. Безъ труда можно сдѣлать отсюда выводъ, какія воззрѣнія вытекаютъ отсюда относительно экономической дѣятельности, какова буддійская философія хозяйства.

Выскажемся опять словами самого буддійскаго пророка: „Дѣла людей, стремящихся къ земному счастью, подлежатъ проклятію ничтожества преходящаго <sup>1)</sup>. Какъ привязанная собака, которая прикрѣплена къ крѣпкому стволу или колоннѣ, движется глупецъ неискупленный около мирового бытія. Мучая, обманывая, раздражая, погубляя, ожидаемое удовольствіе превращая въ страданіе и смерть, властвуетъ неутолимая необходимость. Кто хочетъ пріобрѣтать имущество, —купецъ, землевладѣлецъ, пастухъ, солдатъ, чиновникъ—долженъ подвергнуть себя страданіямъ, жарѣ, холоду, укусу змѣй, жадѣ и голоду. Если не пріобрѣтаетъ онъ желаемое, онъ жалуется и скорбитъ; напрасно было то, что я потерпѣлъ, напрасны всѣ мои труды. Достигнетъ онъ своей цѣли, —онъ долженъ со страхомъ и трудомъ охранять пріобрѣтенное, чтобы короли не похитили у него или же разбойники, чтобы огонь не сжегъ, вода не унесла, чтобы не попало это въ руки враждебныхъ управителей“ <sup>2)</sup>.

Отсюда практическій выводъ буддизма клонится къ осужденію хозяйственнаго труда; высшій идеаль жизни, даже единственный, который дается буддизмомъ, есть монашество въ бездѣятельно-созерцательной формѣ, для котораго трудъ есть злая необходимость, почему оно предпочитаетъ существовать нищенствомъ. Насколько подобное мировоззрѣніе проникаетъ

---

<sup>1)</sup> Samyutta Nikāya, vol III, p 151 (Neumann. Buddhistische Anthologie, 195)

<sup>2)</sup> Oldenberg, l. c 247

въ жизнь, дѣлается настроеніемъ цѣлаго народа, постольку оно становится препятствіемъ для хозяйственной дѣятельности; и ужъ во всякомъ случаѣ очевидно, что та ажитація, которая требуется теперешней экономической жизнью, — биржевая спекуляція, телеграфъ, телефонъ, коммерческія связи всего міра, которыя характерны для современной жизни, съ ея экономической истерикой, окажутся психологически совершенно несовмѣстимы съ тѣми стремленіями къ покою и подавленію жизни, которыя проповѣдуетъ буддизмъ. Поэтому въ числѣ другихъ причинъ, которыхъ, конечно, много, и буддизмъ является не послѣдней въ экономическомъ застоѣ Востока и в порабощенности его бѣлою расой западной Европы.

Настроеніе безочарованности и пресыщенія жизнью, находящее свое выраженіе въ буддійскомъ квіетизмѣ и міротречности, неоднократно проявляется въ исторіи то какъ плодъ личнаго разочарованія въ жизни<sup>1)</sup>, то какъ выраженіе утомленія и упадочности гиперкультурныхъ эпохъ: съ подобнымъ настроеніемъ умираетъ античный міръ, и лебединою пѣснью его въ этомъ отношеніи является философія неоплатонизма.

---

<sup>1)</sup> Классическое выраженіе получаетъ это настроеніе въ нѣкоторыхъ мѣстахъ книги *Екклесіастъ*:

„Я предпринялъ большія дѣла: построилъ себѣ домъ, посадилъ виноградники, устроилъ себѣ сады и рощи и насадилъ въ нихъ всякія плодовые деревья, сдѣлалъ себѣ водоемы для орошенія изъ нихъ рошей, произрастающихъ деревья; пріобрѣлъ себѣ слугъ и служанокъ, и домохозяи были у меня; также крупнаго и мелкаго скота было у меня больше, нежели у всѣхъ, бывшихъ прежде меня въ Іерусалимѣ; собралъ себѣ серебра и золота и драгоценностей отъ царей и областей, завелъ у себя пѣвцовъ и пѣвицъ для услажденія сыновъ человеческихъ — разныя музыкальныя орудія. И сдѣлался я великимъ и богатымъ больше всѣхъ, бывшихъ прежде меня въ Іерусалимѣ; и мудрость моя пребыла вмѣстѣ со мною. Чего бы глаза мои не пожелали, я не отказывалъ имъ, не возбранялъ сердцу моему никакого веселья, потому что сердце мое радовалось во всѣхъ трудахъ моихъ, и это было моею долею отъ всѣхъ трудовъ моихъ. И оглянувшись я на все дѣла мои, которыя сдѣлали руки мои, и на трудъ, которымъ я трудился, дѣлая ихъ: и вотъ, все — суета и томленіе духа, и нѣтъ отъ нихъ пользы подъ солнцемъ. И возненавидѣлъ я весь трудъ мой, которымъ трудился подъ солнцемъ, потому что долженъ оставить его человеку, который будетъ послѣ меня. И кто знаетъ: мудрый ли будетъ или глупый? А онъ будетъ распоряжаться всѣмъ трудомъ моимъ, которымъ я трудился и которымъ показалъ себя мудрый подъ солнцемъ. И это — суета!“ (Екклес. II, 4—11, 18—19).

Современный  
европейскій  
эпикуреизмъ.

Полную противоположность этому серьезному и мрачному міровоззрѣнію представляетъ эпикурейское, легкомысленное міровоззрѣніе средняго европейца, для котораго стремленіе къ увеличенію богатства, комфортъ, вѣчная потребность наслажденія являются чѣмъ-то насущнымъ и настолько само собой разумѣющимся, что ему даже въ голову не приходитъ создавать для оправданія этого особую доктрину или мораль, и все своеобразие его міровоззрѣнія осознается только въ сопоставленіи съ противоположнымъ міровоззрѣніемъ. Послушаемъ, какъ говоритъ о себѣ это міровоззрѣніе устами одного изъ талантливѣйшихъ представителей современной экономической науки—Вернера Зомбарта.

„Я предвижу, что грядущее поколѣніе послѣ долгихъ столѣтій лишеній, наконецъ, снова будетъ вести жизнь, которая будетъ пропитана красотой и довольствомъ. Явится поколѣніе, которое изъ полноты богатства, притекающаго къ нему съ расточительнымъ изобиліемъ, создастъ цѣлый міръ вождѣлений и красивыхъ формъ, поколѣніе людей, для которыхъ наслажденіе, радость жизни сдѣлаются само собой разумѣющимися спутниками земныхъ странствій, людей съ утонченными чувствами, съ эстетическимъ міропониманіемъ. Это значитъ: количественно потребность въ изящномъ приметъ такіе размѣры, о которыхъ мы теперь не можемъ составить себѣ и малѣйшаго представленія, она возрастетъ безмѣрно до такихъ колоссальностей и великолѣпія, по сравненію съ которымъ роскошь императорскаго Рима, блескъ Венеціи, расточительность Версаля превратится въ ничто“. Въ другомъ мѣстѣ Зомбартъ обращаетъ вниманіе на „болѣе цѣнное, искусное и удобное устройство ресторановъ и отелей, кафе и кабаковъ, желѣзнодорожныхъ поѣздовъ и пароходовъ, торговыхъ домовъ, а равно и всѣхъ дѣловыхъ помѣщеній капиталистическихъ предпріятій. Въ настоящее время впереди всѣхъ по части эстетической обстановки идутъ магазины парфюмерными товарами и галстуками, магазины бѣлья, салоны для заправки дамъ, салоны для стрижки и бритья, фотографическія мастерскія и т. д. Дѣловая и торговая жизнь пропитывается красотой“. Натурально, единственнымъ признакомъ красоты здѣсь является техническая цѣлесообразность:

„мы научимся находить прекраснымъ то, что является технически совершеннымъ“. „Въ машинѣ лежитъ стиль будущаго“. Конечно, съ своей точки зрѣнія Зомбартъ совершенно устраняетъ понятіе и вопросъ о роскоши. „Не существуетъ столь расточительныхъ тратъ, столь утонченныхъ наслажденій жизнью, которыя бы не могли найти своей санкціи и потому оправданія въ личности своего исполнителя. Драгоценная жемчужина, которую Клеопатра велѣла растолочь, съ тѣмъ, чтобы высыпать порошокъ въ чашу съ виномъ, предложенную гостю, упоминается во всякомъ трактатѣ о роскоши, какъ иллюстрація „крайностей“. Однако, кто изъ тѣхъ, кому хотя до нѣкоторой степени понятно очарованіе необыкновенныхъ людей, захочетъ искать ихъ въ образѣ этой великой жены? Или въ ночныхъ катаньяхъ Людвига II? Или въ роскоши и блескѣ короля—солнца?“

Я взялъ два примѣра, чтобы показать, что рядомъ съ изученіемъ фактовъ экономической жизни и методовъ производства, можно изучать и хозяйственное мировоззрѣніе, то, что мы называемъ философіей хозяйства. Политическая экономія изучаетъ фактическую сторону хозяйства, философія же хозяйства изслѣдуетъ хозяйство, какъ цѣнность, какъ задачу, какъ добро или зло. На основаніи сказаннаго вытекаетъ ближайшее опредѣленіе задачи нашего курса,—„исторіи экономическихъ ученій“. Выраженіе это можетъ быть понимаемо въ двоякомъ смыслѣ—въ болѣе узкомъ и болѣе широкомъ. Въ болѣе узкомъ смыслѣ исторія экономическихъ ученій понимается, какъ изложеніе различныхъ теченій въ наукѣ политической экономіи. Политическая же экономія, какъ наука, существуетъ не болѣе 150—100 лѣтъ, слѣдовательно, исторія экономическихъ ученій, понимаемая, какъ исторія политической экономіи, относилась бы только къ этой новѣйшей эпохѣ. Но возможно болѣе широкое трактованіе этого предмета—изученіе исторіи не только политической экономіи, но экономическихъ мировоззрѣній. Мы будемъ понимать исторію экономическихъ ученій именно во второмъ, болѣе широкомъ и общемъ смыслѣ, какъ исторію социально-экономическихъ мировоззрѣній или исторію философій хозяйства, причемъ исторія политической экономіи, какъ науки,

войдетъ сюда лишь какъ отдѣльная глава. Соответственно этимъ задачамъ раздвигаются хронологическія рамки изслѣдованія; для насъ интересенъ не только тотъ вѣкъ, въ которомъ создалась политическая экономія, какъ наука, но вообще тѣ моменты въ исторіи человѣчества, которые были особенно ярки и характерны для экономическаго мышления. Мы не пройдемъ, напримѣръ, молчаніемъ эпоху Платона или средніе вѣка только потому, что въ то время не существовало политической экономіи, какъ науки.

Интересъ такого изученія необходимо распространяется и на общую духовную атмосферу данной эпохи, ея культуру и мировоззрѣніе, изъ которыхъ вырастаетъ та или иная экономическая доктрина. Трудность такого изученія предмета заключается въ его необъятности. Я отнюдь не предполагаю обозрѣвать всю мировую исторію, что было бы неосуществимо, а останавлиюсь лишь на отдѣльныхъ ея моментахъ, которые намъ особенно интересны, причемъ предметомъ нашего главнаго интереса будетъ происхожденіе современнаго экономическаго сознанія и его исторія.

Слѣдуетъ сказать нѣсколько словъ о значеніи историческаго изученія вообще. Для многихъ исторія представляется чѣмъ-то вродѣ собранія рѣдкостей, кунсткамеры или же сухого перечня того, что было когда-то, но теперь для насъ является болѣе или менѣе чуждымъ. Нѣтъ ничего болѣе ненаучнаго и нефилософскаго, какъ такое отношеніе къ исторіи. При извѣстной широтѣ пониманія самихъ себя и своего настоящаго, связь современности со всей предыдущей исторіей становится все нагляднѣе. Поэтому исторія есть въ сущности средство для самопознанія, и практическій результатъ этого самопознанія есть прежде всего то духовно освобождающее значеніе, которое даетъ историческое изученіе. Личный опытъ нашъ слишкомъ узокъ, и многое при свѣтѣ исторіи представится намъ совершенно иначе, чѣмъ въ томъ случаѣ, если мы замыкаемся въ идеяхъ и интересахъ современности. Въ особенности это наблюденіе вѣрно въ области хозяйственной жизни, которая возбуждаетъ къ себѣ столь сильный интересъ. Вѣдь въ экономической сторонѣ жизни бьется наиболѣе горячо и отчетливо пульсъ современности, а то, къ чему относятся

наиболѣе страстно, и воспринимаютъ наименѣе объективно, и трудно бываетъ отдать себѣ отчетъ въ томъ, насколько мы широко и объективно здѣсь судимъ. Историческое изученіе играетъ здѣсь важную роль. Потому желательно совершить это духовное путешествіе въ нныя эпохи, которое, какъ и всякое путешествіе, раскрываетъ новые горизонты, новыя перспективы. Нашъ вѣкъ есть вѣкъ историзма, все понимающій въ свѣтъ исторіи, не въ застывшемъ состояніи, но въ постоянномъ развитіи. Конечно, не должно составлять изъ этого исключенія и изученіе экономическихъ идей.

Теперь я долженъ прибавить еще нѣсколько словъ для характеристики предмета изученія относительно внѣшнихъ рамокъ курса, въ частности относительно тѣхъ смежныхъ дисциплинъ и знаній, которыя придется намъ постоянно привлекать для полноты картины. Прежде всего очевидно, что экономическія идеи или міровоззрѣнія всегда есть нѣкоторое истолкованіе человѣкомъ окружающей его экономической среды; человѣкъ никогда не философствуетъ самъ въ себѣ или въ пустомъ пространствѣ, а побуждается къ философствованію жизнью; такъ и экономическая философія пробуждается впечатлѣніями экономической жизни. Слѣдовательно, все, что мы знаемъ о перемѣнахъ въ экономической жизни, объ ея развитіи, вообще объ исторіи хозяйственнаго быта, это имѣетъ первостепенное значеніе для уразумѣнія самаго содержанія и значенія того или другого ученія. Научное изложене исторіи экономическихъ міровоззрѣній совершенно неосуществимо внѣ исторіи экономической жизни, а исторія экономической жизни почти неотдѣлима отъ общей исторіи и въ частности отъ исторіи политической. Поэтому намъ придется, какъ въ картинѣ или въ декораціи, намѣчать нѣсколько плановъ: отдаленные намѣчаются въ общихъ чертахъ, болѣе близкіе детальнѣе, а самые близкіе приходится вырисовывать особенно тщательно и подробно. Но центромъ вниманія будетъ все-таки смѣна экономическихъ міровоззрѣній или, какъ я выразился выше, различныхъ системъ философіи хозяйства.

Итакъ, съ чего же начать и чѣмъ ограничиться для того, чтобы намѣтить самые основные моменты въ развитіи европейской экономической мысли? Что касается древняго